VERSION RUSSE ET COURT THÈME

I. VERSION

Демократический и либеральный прогресс верит больше в принудительную и постепенную исправимость всецелого человечества, чем в нравственную силу лица. Мыслители или моралисты, подобные автору «Карамазовых», надеются, по-видимому, больше на сердце человеческое, чем на переустройство обществ. Христианство же не верит безусловно ни в то, ни в другое – то есть ни в лучшую автономическую мораль лица, ни в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле.

Вот разница. Впрочем, я, может быть, дурно выразился словом разум... Чистый разум, или, пожалуй, наука, в дальнейшем развитии своем, вероятно, скоро откажется от той утилитарной и оптимистической тенденциозности, которая сквозит между строками у большинства современных ученых, и, оставив это утешительное ребячество, обратится к тому суровому и печальному пессимизму, к тому мужественному смирению с неисправимостью земной жизни, которое говорит: «Терпите! Всем лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли – вот единственно возможная на земле гармония! И больше ничего не ждите. Помните и то, что всему бывает конец; даже скалы гранитные выветриваются, подмываются; даже исполинские тела небесные гибнут... Если же человечество есть явление живое и органическое, то тем более ему должен настать когда-нибудь конец. А если будет конец, то какая нужда нам так заботиться о благе будущих, далеких, вовсе даже непонятных нам поколений? Как мы можем мечтать о благе правнуков, когда мы самое ближайшее к нам поколение – сынов и дочерей – вразумить и успокоить действиями разума не можем? Как можем мы надеяться на всеобщую нравственную или практическую правду, когда самая теоретическая истина, или разгадка земной жизни, до сих пор скрыта для нас за непроницаемою завесой; когда и великие умы и целые нации постоянно ошибаются, разочаровываются и идут совсем не к тем целям, которых они искали? Победители впадают почти всегда в те самые ошибки, которые сгубили побежденных ими, и т. д... Ничего нет верного в реальном мире явлений.

Верно только одно – точно, одно, одно только несомненно – это то, что все здешнее должно погибнуть! И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений? На что эти младенчески болезненные мечты и восторги? День наш – век наш! И потому терпите и заботьтесь практически лишь о ближайших делах, а сердечно – лишь о ближних людях: именно о ближних, а не о всем человечестве.

Вот та пессимистическая философия, которая должна рано или поздно, и, вероятно, после целого ряда ужасающих разочарований, лечь в основание будущей науки.

К. Н. Леонтьев

О Всемирной любви (Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике) 1880, 1885.

II. THÈME

Oui, vivre seul, décidai-je, assis sur une marche du somptueux escalier, vivre seul, être heureux tout seul, être heureux avec moi, ne plus avoir besoin d'eux, ne plus jamais sortir dehors, rester toujours dans ma chambre, bien l'arranger, la tenir toujours en ordre, avec des fleurs, et elle serait mon pays, un pays où je serais heureux, ma petite France à moi, avec beaucoup de livres français qui seraient mes amis. Oui, mon Albert, me dis-je à voix haute pour n'être pas seul, oui, c'est la bonne décision, crois-moi, ce sera le bonheur, tu verras, et de nouveau je serrai ma main gauche avec ma main droite, une poignée d'amitié.

Albert Cohen, *Ô vous, frères humains.*